

Вольтерьянцы, вольтерьянки и десятилетие клеветы

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

Сейчас дело идет к финалу, и я поражаюсь, как режиссер Дмитрий Борщевский «держит» всю эту огромную армию снимающегося народа, продолжая продвигаться вперед. Премьера предполагается в январе.

— А почему не вы писали сценарий?

— Что-то помешало. Наверное, всегдашняя нехватка времени...

— Актерские попадания есть?

— Как ни странно, есть. Молодая актриса Екатерина Никитина, играющая Веронику, — поразительно глубокое проникновение в образ.

— Режиссер сам выбирал актеров, вы советов не давали?

— На роль Нины, поэтессы, я рекомендовал Чулпан Хаматову, но она забеременела, и от ее участия пришлось, к сожалению, отказаться.

— С телевидением у вас прямо любовь. А кино вы любите, Василий Павлович?

— Я люблю кино, но временами забываю о его существовании.

— Тогда и спрашивать не стоит, были ли вы на последнем московском кинофестивале?

— Вот на нем как раз был — на закрытии, мы с женой пришли посмотреть фильм о Марии Каллас. Кстати, о телевидении. Все было тихо-мирно, я вышел после фильма покурить, в зале церемония еще продолжалась — как вдруг на меня набросилось человек 50 фоторепортеров. Эффект частого мелькания на телеэкране! Когда в Самаре, где я часто бываю, корреспонденты ходили по городу и спрашивали про меня людей на улицах — те честно отвечали: книг его не читали, но внешне его знам.

— А что читаете вы?

— Читаю я маловато все за тем же недостатком времени, но стара-

юсь следить за своими товарищами: Владимиром Войновичем, Александром Кабаковым, Анатолием Найманом, Евгением Поповым, который работает все интереснее... Мне кажется, русская литература незаслуженно игнорируется в мире — почему-то не входит в моду, как в свое время вошла испаноязычная, после «Ста лет одиночества».

— Не читали Паоло Козльо, чрезвычайно здесь сейчас популярного?

— Не читал. Хотя слышал, что он моден именно в России.

— Еще у нас моден Акунин.

— Я не люблю жанр детектива, поэтому и Акунина не читал. Чхартишвили (настоящая фамилия Акунина. — В.Ц.) читал. И даже встречался — приятный человек. Что касается жанра — так я и Сименона не читал и единственный раз в жизни читал Агату Кристи.

— В начале 80-х прославился писатель Владимир Маканин, спустя лет двадцать — Татьяна Толстая. Как вы считаете, в этой весовой категории — в высшей лиге — кто-то еще появился?

— Да, по-моему, никого не появилось... Хотя есть группа писателей, работающих всерьез, я уже частично перечислял их имена.

— Прочли роман Толстой «Кысь»?

— Прочел очень большой отрывок из романа и решил больше не читать. Не потому, что книга этого не стоит, а потому, что меня жутко раздражал язык. Как будто барыня пытается себе представить, как говорит простой народ.

— Ваш последний роман «Кесарево свечение» сложен по структуре — и вводные рассказы, и стихи, и пьесы, и явная автобиографичность ге-

роя с его университетскими буднями... Читая, я ловила себя на мысли: оставить бы одну линию главного героя. И вдруг — авторские строки, мол, моя бы воля — я бы издал этот роман на несброшюрованных листах, выбирай, кому что надо.

— Для меня это итоговая, важная вещь. Раздумывая о том, что происходит с моим жанром, я понимаю, что нуждаюсь не в расширении аудитории, а, наоборот, в сужении. Рассказ «Бэби Кассандра» был написан мною до романа, причем на английском языке, потом мною же был переведен и вставлен в роман. Однажды я читал его в нью-йоркском клубе поэзии. Аудитория на 800, а то и 1000 человек была полна, зал живо реагировал на все хохмы, все понимал... «Смотри ты, какие удивительные люди!» — подумал я. После меня выступал еще один писатель со своей вещью — довольно средней: все «фак» да «фак», — и зал реагировал средне, без особого энтузиазма. Но когда мы после окончания вышли в фойе — к столу с моими книгами выстроилась очередь человек в 15, а к его — 150.

— У вас в скором времени должен выйти сборник эссе. Это что-то старое или новое?

— Это эссе, собранные из радиоскриптов «Свободы» 80-х годов. Сборник называется «Десятилетие клеветы», в подзаголовке стоит «Радиодневник писателя». Я сделал его давным-давно. Мой нью-йоркский издатель прогорел, и я забыл про эту книгу, а недавно наткнулся на нее. Это — что-то вроде мемуаров, полумемуары, что ли.

— К мемуарам, я знаю, вы — не очень...

— Не очень, не очень...

— Цитирую: «С годами вообще все больше хочется отойти от

выдуманных сюжетов» («Кесарево свечение»). Так, может, «Радиодневник» станет почином?

— Боюсь, что нет, особенно если учесть, что я сейчас пишу роман о Франции XVIII века под названием «Вольтерьянцы и вольтерьянки».

— Тематика — эта, потому что вы переехали жить во Францию?

— Нет, скорее, наоборот, я живу во Франции, потому что начал это писать.

— С преподаванием в американском университете — завязали?

— Нет, за мной еще один семестр. Университет мне много дал, я страшно рад, что провел эти годы в университетской среде. Если в Америке искать позитивное и оптимистическое — это именно университетские кампусы. ■

Беседовала
Вера Цветкова.

Из досье «НГ Ex libris»

Василий Павлович Аксенов (р. 1932) — русский писатель. Шестидесятник, участник знаменитого альманаха «Метрополь», эмигрант. Родился в Казани, жил некоторое время в Магадане, куда была послана его мать, Евгения Гинзбург, автор книги «Крутой маршрут». Окончил в Ленинграде Медицинский институт, работал врачом, печататься начал в 1959-м. Известен повестями, рассказами и романами «Звездный билет», «Затоваренная бочкотара», «Остров Крым», «Ожог», «В поисках грустного бэби» и пр. Книги последних лет — «Московская сага», «Негатив положительного героя», том в «Антологии сатиры и юмора России XX века», «Желток яйца», «Новый сладостный стиль», «Кесарево свечение» и пр. Последнее время пишет и по-английски.